

## СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

© 2003 г. Л. А. Куличенко

*Аспирантка психологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова,  
консультант компании “ЭКОПСИ Консалтинг”*

Анализируются этапы развития английской характерологии: разработка феноменологии характера; его анализ в рамках философских течений; попытки создания специальной науки о человеческом нраве. Показывается специфика данной характерологической школы.

**Ключевые слова:** английская характерология, моральное чувство, феноменология человеческого нрава, наука о характере.

На переломе веков (XIX–XX вв.) в Европе существовало несколько характерологических школ: английская, французская, германская, русская. По моменту возникновения – первая в этом ряду английская характерология, которая до сих пор остается практически неизученной, хотя имеет множество оригинальных идей, наблюдений, эмпирических находок.

Начало первого этапа формирования английской школы можно отнести к 1608 г., несмотря на наличие в Англии и более ранних работ, дающих описания характеров (Ральфа Джонсона – 1565, Томаса Хармана – 1565, Эдварда Хэйка – 1579), которые в большей степени относятся к риторическим упражнениям. Литературные критики и историки, изучавшие данный период, полагают, что исследование характера в Англии начинается именно с выхода книги Джозефа Холла (1574–1656) “Характеры добродетельные и порочные” [16]. Книга пользовалась огромной популярностью как в Англии, так и за ее пределами. В 1610 г. книга издается на французском языке. Известнейший французский моралист Жан де Лабрюйер “держал в руках книгу Холла перед тем, как он прочел Феофраста” [11, с. 135]. Чуть позднее (1628, 1652, 1685) труд Холла издается на немецком, итальянском и датском языках.

Книга состоит из двух частей: первая содержит описания 11 добродетельных характеров (мудрый; честный; преданный; скромный; отважный; терпеливый; истинный друг; благородный; хороший судья; кающийся; счастливый человек<sup>1</sup>); вторая – 15 порочных нравов (лицемер; человек, любящий вмешиваться в чужие дела; суеверный; светский; недовольный; непостоянный; льстец;

ленивый; жадный; тщеславный; самонадеянный; подозрительный; честолюбивый; расточительный; завистливый) [16].

Английские феноменологи, с одной стороны, подражали Феофраstu: выделяя какой-либо один порок или добродетель, давали относительно одной этой черты ее поведенческий стереотип. С другой – несомненно, являлись последователями Аристотеля в своем понимании характера как совокупности моральных черт.

После издания “Характеров” Томаса Овербери в 1614 г. [18] и “Микрокосмографии” Джона Эрла в 1628 г. [13] начинается повсеместное увлечение описаниями человеческого нрава. В Англии с 1608 по 1757 г. вышло в свет свыше 70 подобных работ.

Во вступлении Кэмбелла<sup>2</sup> к изданию “Характеров” Овербери 1897 г. сказано, что он показал изобилие и наблюдательную энергию своего ума, высокое мастерство в передаче художественного образа и силу выражения, необычайно похожую на любой из скетчей Феофраста.

Современники Овербери утверждали о его работе следующее: – “Его характеры имеют важное значение. Опасно читателю пренебрегать хладнотостью и суровостью его манер, … главным, но ненавязчивым, является моральное чувство” [18].

Относительно скетчей Дж. Эрла А. Робэк высказал такую точку зрения: “Джон Эрл, с одной стороны – худший подражатель Феофраста… Возможно, в его Микрокосмографии нет того остроумия, которое присутствует в работах Овербери, однако в ней есть большая доля взвешенности и прочности суждений. В его работе нет причудливости выбора, а его описания в своем развитии

<sup>1</sup> Количество добродетельных характеров приведено по оригиналу ([1608] 1969).

<sup>2</sup> Инициалы не установлены.

имеют логическое завершение. И если Овербери более светский, то Эрл – более мудрый и не проявляет цинизма. Я уверен, что Эрл наиболее психологичен из всех английских литературных характерологов” [19, с. 15–16].

Английские авторы не ограничиваются представлением так называемых вечных типов (например, лицемера, труса) и вводят в свои произведения “социальные характеры”. В отличие от принципа, по которому строит свои скетчи Феофраст, где доминирует какой-то один порок и описывается его носитель, например, льстец, педант, в “социальных характерах” английских авторов образ жизни, поступки объясняются наличием у индивида многообразия взаимосвязанных черт.

Уже в работах Овербери преобладают “социальные характеры”. Их можно подразделить на группы: профессиональные, “статусные”, национальные и “семейные”. В “профессиональных” характерах раскрываются качества, которыми наделен носитель того или иного рода занятий. Отличие “статусных” характеров заключается в том, что нрав человека определяется не родом занятий, а его положением в обществе и социальными условиями. При этом чаще всего эти условия оказываются навязанными человеку. “Семейные” характеры практически все заключаются в описании женщин (хорошая жена, умная женщина, скромная женщина, мать, сестра и т.д.). Эта категория вообще стоит особняком от всех остальных, поскольку в ней меняются местами причина и следствие. Если в профессиональных и статусных типах именно они (род занятий, социальная среда) накладывают на человека свой отпечаток, формируют его характер, то в “семейных” характер будет влиять на качество исполнения семейной роли, а не эта роль формировать характер. Сравнительно небольшую часть составляют национальные нравы, например “французский повар”, “пьяный датский житель в Англии”, “Производитель пуговиц из Амстердама” и т.п. Переходя от “вечных” к “социальным” типам английские авторы сохраняют их этическое содержание, раскрывая нрав человека с точки зрения добродетели или порока.

Феноменологическое направление в рамках английской характерологической школы существовало и после XVII в., сохраняя при этом ее специфику. Так с 1709 по 1714 г. Джозефом Аддисоном (1672–1719) и Ричардом Стилом (1671–1729) издается журнал “Spectator” (“Наблюдатель”), где в ироничной форме рассматриваются нравы современного общества, освещаются социальные и экономические проблемы, вопросы, связанные с театром, живописью и поэзией. При этом человеческий характер трактуется как моральная персона субъекта.

Адам Смит в “Теории нравственных чувств” (1759) так комментирует феноменологическое направление: “Авторы довольствовались тем, что описывали в общих чертах различные добродетели и пороки и обнаруживали безобразие и несчастье, сопровождающие порок, привлекательность и счастье, отличающие добродетель; но они не предлагали точного правила, которое можно было бы приложить ко всем без исключения возможным случаям. Они только старались определить, насколько это позволяли средства языка, *во-первых*, чувство из которого происходила каждая добродетель, тот род ощущений, которым отличается дружба, человеколюбие, великодушие, справедливость, мужество и противоположные им пороки; *а во-вторых*, они старались определить, в чем состоит тот образ действий, которому должны следовать люди, то поведение, к которому их побуждает каждое чувство, и какой предпочтительный образ действий должны вызывать в них при обычных обстоятельствах дружба, великодушие, человеколюбие и т.д.” (подчеркнуто мною. – Л.К.) [8, с. 316–318]. Авторы, разрабатывающие феноменологию характера, не обсуждают подробно “что это такое”, они дают лишь описания, картинки, показывая, “каким” характер может быть. Их задача – представить характер как явление, многообразие его разновидностей, включая профессиональные, социальные, национальные, проявления характера в семейной жизни. Поэтому все это дескриптивное направление английской характерологии не случайно именуется феноменологическим. В основу английской характерологической школы легло понимание характера человека как моральной персоны субъекта, идущее еще от Аристотеля. Это общее понимание предмета сохранился до XX в. В английской характерологии истоком образования нрава служил не поступок, а элементом характера не черта, образованная от привычки поступать определенным способом, как у античных авторов; и не воля, которая присутствовала практически во всех других европейских характерологических школах, а чувство, переживание (*sentiment*), либо порождающее поступок, либо сопровождающее его и служащее неотъемлемой составляющей.

Если при разработке феноменологии характера авторы специально не останавливались на вопросе о сути характера и давали описания его разнообразных жизненных проявлений, то английские философы (А. Шефтсбери, Д. Юм, А. Смит и т.д.) специально выделили чувство как основу существования и формирования характера. Появление подобных работ ознаменовало наступление второго этапа развития английской характерологии. Философско-этические взгляды разделились на две противоположные точки зрения: первой придерживались А. Шефтсбери, Ф. Хат-

чисон, Д. Юм, которые считали, что человек от природы обладает особой способностью чувствовать добродетель и обязан воспитывать ее в себе, основываясь на этом чувстве; вторую отстаивали Т. Гоббс, В. Мандевиль, Дж. Локк, отрицавшие существование подобного чувства и считавшие, что человек выводит понятия добродетели только из наблюдений за ходом жизни [2]. Исходные принципы сенсуалистической этики были сформулированы Антони Эшли Купером, лордом Шефтсбери (1671–1713). Именно он выдвинул идею присущего человеку “морального чувства” (*moral sense*). Оно ведет людей к добродетели и отвращает от порока. В постулируемой автором “этике чувств” ведущая роль в нравственной жизни отводилась не столько разуму, сколько эмоционально-чувственной сфере нашего сознания. Речь шла о своем рода моральной рефлексии, особом внутреннем чувстве, которое способствует дальнейшему осмыслиению нравственных поступков. “Так при помощи рефлексивного чувства возникает особый вид аффектов, аффектов по отношению к самим аффектам, которые мы уже переживали раньше и которые становятся причиной новых пристрастий или неприязни” [21, с. 251].

Человек, как считает Шефтсбери, находится в гармонии с природой, именно поэтому в нем уравновешивается все внутреннее и внешнее, субъективное и объективное. Поэтому он – характер. Нравственное чувство хотя и врожденное, может быть развито посредством совершенствования человеческой натуры, а также путем воспитания. Здесь основную роль Шефтсбери отводит самовоспитанию: “это непрерывный внутренний монолог, а слово является тем стержнем, который не дает уйти человеку в глубины своего индивидуализма” [12, с. 54].

Согласно Шефтсбери, нравственность вполне автономна и не зависит от влияния извне, не связана с соображениями пользы или выгоды. Добродетели следуют не в расчете на получение награды и не из страха перед наказанием, а также не в надежде на загробное вознаграждение, но главным образом потому, что обладание добродетелью само по себе приносит человеку удовлетворение и счастье. Он обращает внимание на социальную природу добродетели, ее позитивную роль в общественной жизни.

Последователем Шефтсбери стал Френсис Хатчесон (1694–1746). Его книга “Исследования о происхождении наших идей красоты и добродетели” (1725) по своему строению и содержанию очень напоминает “Моральные опыты” (1709) Шефтсбери. Хатчесон защищал бескорыстие добродетели, сводил всякую добродетель к стремлению способствовать благополучию других; но утверждал, что превосходство и обязанность благожелания открывается всем нам некоторым

“моральным чувством”. Он исходил из того, что люди от природы наделены особым чувством для восприятия прекрасного и постижения добродетели. Специфику чувства Хатчесон усматривал в том, что оно представляет собой способность воспринимать прекрасное, направленное на приобщение человека к добру и отвращение его от зла. Как и его предшественник, Хатчесон выступал против рационализма и утилитаризма в трактовке нравственности, подчеркивал, что “моральное чувство” свободно от каких-либо внешних воздействий и побуждений. Эгоистические соображения и личная выгода не в состоянии перевесить благожелательности и любви к людям. Истинная побудительная причина добродетели заключается “в некоторой предопределенности нашей натуры заботиться о благе других”, в “некотором инстинкте”, предшествующем всяким соображениям интереса, который влияет на нас, чтобы мы любили других. В “бескорыстной добродетели”, направленной на общее благо и согласие, Хатчесон усматривал подлинное счастье, ставил добродетель выше всех удовольствий.

Юм (1711–1776) также признавал пользу за существенную составную часть добродетели, но утверждал, что наше стремление к добродетели бескорыстно, проистекает из естественного чувства, отличного от разума, и порождается особым ощущением или вкусом, который пробуждается в нас при созерцании добродетели или порока: “вероятно, что окончательное суждение, признающее характеры и действия достолюбезными или ненавистными, похвальными или предосудительными … зависит от некоторого *внутреннего чувства* или *ощущения*, которым природа одарила все человечество” … “Мы скорее чувствуем нравственность, чем судим о ней” [10, с. 604]. “Хорошие или дурные качества поступков и поведения свидетельствуют о нашей добродетельности или порочности и определяют собой наш личный характер” [9, с. 337].

Противоположных взглядов придерживался Томас Гоббс (1588–1679) – основатель учения об эгоистической природе человека, послужившего базой для этики разумного эгоизма. Гоббс полагал, что от природы все одинаковы, обладают тождественным нравом, и врожденных черт не существует. Свойства воспитываются в нас, но только исключительно с позиций целесообразности – из самосохранения. Никакого морального чувства, о котором говорит Шефтсбери нет и не может быть из-за отсутствия врожденных нравственных понятий. Гоббс предполагает, что хотя все блага относительны, есть первое основополагающее благо – жизнь и ее сохранение, следовательно, главное зло – это смерть. Поэтому естественное состояние людей – эгоизм и злоба. В этом мире каждый стремится уничтожить другого, чтобы очистить место для себя. Жизнь – это по-

стоянная борьба за выживание. Для того, чтобы предотвратить ее, появляются “естественные законы” – нормы, позволяющие реализовать инстинкт самосохранения. По Гоббсу, естественный закон – предписание, или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни и что лишает его средств для ее сохранения, и пренебрегать тем, что он считает лучшим для сохранения жизни [3]. Таких естественных законов – девятнадцать. Исполнение или неисполнение тех или иных из них ведет к появлению различных черт характера у людей. Так на основе закона о выполнении заключенных соглашений зарождается справедливость и несправедливость (справедливо придерживаться договоренности и несправедливо ее нарушать). Из исполнения или нарушения закона о приспособлении друг к другу – общительность и замкнутость. Благодарность и неблагодарность – из закона о возвращении полученных благ (чтобы другие не раскаивались в своих благих действиях и продолжали их делать). Нарушение закона, предписывающего человеку признавать другого равным себе от природы, влечет за собой гордыню. Скромность и высокомерие берут начало из закона о том, чтобы никто не претендовал на какое-либо право для себя, если он не согласился бы предоставить его любому человеку. Если люди при отмщении ориентируются на размеры совершенного зла, а не блага, которое последует за отмщением, то они становятся жестокими.

В идеальном случае, когда человек соблюдает естественные законы, он будет наделен следующими чертами характера: скромностью, общительностью, благодарностью, справедливостью, добротой. При несоблюдении законов человек может стать жестоким, злым, хитрым, несправедливым, замкнутым, высокомерным, гордым, неблагодарным. Первые, как считает Гоббс, наделены мирными добродетелями и благодаря им возвышаются до подобия Божия. Однако, даже они из-за злых и дурных людей вынуждены прибегать к добродетелям “военным” – силе, хитрости, жестокости, – в таком случае нельзя называть эти черты характера порочными. К сожалению, Гоббс не анализирует, почему одни люди соблюдают естественные законы, а другие ими пренебрегают, т.е. почему у одних стремление к естественному праву сильнее, нежели у других. Он рассматривает людей с уже сложившимся характером.

Крайнее выражение этого направления содержится в текстах Бернарда Мандевиля (1670–1733), который считал, что поведение людей является производным от себялюбия. Последнее представляет собой не что иное, как чувство самосохранения, побуждающее человека вести борьбу за жизненные средства, против сил природы и противостоящих ему интересов других лю-

дей. Из деятельности, направленной на самосохранение, Мандевиль выводил и пороки эгоизма, рассматривая их как величайшее благо для общества в целом. Он подчеркивал, что нет никаких врожденных наклонностей к восприятию прекрасного, к совершению добродетельных поступков. Отвергалось им и существование особого морального чувства, которым якобы руководствуются люди в своих действиях и которое дано им от природы, обосновывая это тем, что “одна лишь добродетель не может доставить народам процветание” [17, с. 24].

Среди пороков, которые, по мнению Мандевиля, способствуют процветанию общества мы находим: мошенничество, лень, невоздержанность, жадность, тщеславие, стяжательство, сводничество, пристрастность в вынесении судебных приговоров, амбициозность, несправедливость, хитрость, зависть, самолюбие, обман. В свою очередь, как это ни кажется странным, честность, совестливость, милосердие, скромность, мужество, если они будут преобладать в обществе, способны разрушить его до основания. Мандевиль считает, что долгом каждого гражданина является стремление к порядочности, однако, процветание общества невозможно, если все одинаково добродетельны, поэтому порок становится позитивным явлением. Так же как и Гоббс, автор считает, что все люди рождаются одинаковыми, главной движущей силой развития человека является эгоизм и чувство самосохранения. Однако у Мандевиля не понятно, откуда тогда берутся добродетельные и порядочные люди, если это невыгодно ни с точки зрения выживания индивида, ни с позиций существования общества.

Отрицал наличие врожденного нравственного чувства и Дж. Локк (1632–1704). Однако его философские взгляды были гораздо мягче, чем у Гоббса. Локк следующим образом объяснял отсутствие у человека врожденного нравственного чувства: “утверждение о врожденных моральных принципах опровергается тем фактом, что некоторые народы ведут себя прямо противоположно подобным принципам, т.е. совершая злодейские с нашей точки зрения поступки и не чувствуя при этом никаких угрызений совести. Это значит, что они считают свое поведение отнюдь не мерзким и вполне дозволенным. И если мы поглядим вокруг, чтобы увидеть, как ведут себя люди, то обнаружим, что в одном месте они терзаются угрызениями совести из-за того, что сделали или же забыли сделать, в то время как в другом месте это же считается достойным поступком” [6, с. 328].

Однако, по Локку, все же есть чувство, которое заставляет нас совершать те или иные поступки – это чувство неудобства (своегообразной неловкости). В отличие от Гоббса, автор считает, что человеком движет не чувство самосохране-

ния, а поиск благополучия и счастья. Именно стремление к ним через устранение чувства неудобства движет человеческими поступками. По мнению Локка, добро и зло представляют собой удовольствие или страдание или то, что их вызывает. Отсюда нравственное добро и зло являются всего лишь соответствием либо расхождением наших добровольных поступков с неким законом, с помощью которого добро и зло навлекаются на нас нашей волей и властью законодателя. Характер человека, как полагал Локк, является врожденным (и это его ключевое отличие от Гоббса и Мандевиля). Его черты можно лишь скорректировать при воспитании и практически невозможно искоренить.

Авторы, представляющие второй этап развития английской характерологии, рассматривали характер в рамках этики и философии и не ставили перед собой задачи выделения человеческого нрава в качестве предмета отдельной науки.

С такой идеей – о построении специальной науки “этологию” – в 1843 г. выступил Джон Стюарт Милль (1806–1873). Его труд “Система логики” был воспринят в Европе как сигнал для выделения характерологии из психологии не как автономного раздела, а именно специальной науки. “Переходя к психологии конкретной, мы сталкиваемся с новой наукой о характерах – этологией. Нечего удивляться, что обычная психология, с ее равнодушием к фактам и со стремлением к отвлеченностям, совершенно забросила эту отрасль знания. Наука о характере могла бы создать практическую психологию – психологию, применимую к житейским фактам. Ее польза в воспитании, нравственном руководстве поступков, даже в политике – очевидна” [7, с. 34–35].

Самуил Бэйли полагал, что науку о характерах следует отделить от психологии, поскольку это становится выгодным, если допустить, что индивидуальный характер слагается не из каких-то собственных элементов, а из элементов, общих для всех людей, и в каждом индивидууме эти элементы сочетаются в разных пропорциях.

Милль считал, что все виды чувствования и поступков, встречающихся в человечестве, имеют свои производящие причины; и во всем, что указывает на них, нужно искать объяснения эмпирических законов и их ограничений. Пусть не все люди чувствуют и действуют одинаково в одинаковых обстоятельствах, но возможно определить, почему одно лицо в данном положении чувствует и действует одним способом, другое – другим; таким путем данный образ чувств и действий, согласный с общими законами природы, сложился или может сложиться. Так как общими законами существования характера в сочетании с фактами каждого частного случая порождается вся совокупность явлений человеческого действия и чув-

ства, то “от них должна исходить всякая рациональная попытка построить конкретно и для практических целей науку о человеческой природе” [5, с. 120].

Милль предлагал следующие приемы построения этологических закономерностей: 1. При данном частном обстоятельстве выводить теоретически его этологические следствия и сравнивать их с теми, что дает нам обыденный опыт. 2. Делать обратную операцию, т.е. изучать различные типы психологической природы, анализировать их, отличать обстоятельства, в каких эти типы преобладают, и объяснять характерные черты типа особенностями обстоятельств.

Например, наличие хорошей атмосферы в семье может привести к тому, что дети в ней будут спокойными и доброжелательными по отношению к людям. Чтобы получилась этологическая закономерность, данное утверждение необходимо проверить множество раз, наблюдая за подобными семьями. Для выведения закономерностей вторым способом необходимо наблюдать за спокойными, доброжелательными детьми, анализируя и вычленяя обстоятельства, которые сделали их таковыми. Многочисленные совпадения – наличие этих черт и выделенных обстоятельств – являются доказательством существования эмпирической закономерности.

Отношение к работе Милля было неоднозначным в европейской психологии. Его призыв о создании науки о характере был воспринят как долгожданное превращение психологии из науки умозрительной в науку практическую. Однако сам метод Милля – дедуктивное выведение эмпирических законов – жестко критиковался. Александр Бэн (1818–1903), желая оказать Миллю поддержку в этом направлении, пишет работу “Об изучении характера”. По его мнению, наука о характере должна ставить своей целью изучение чувственной и деятельной сторон человека в тех комбинациях и пропорциях, как они складываются у отдельных индивидуумов. Эти же элементы должны были бы лежать в основу различения характеров, которые при большей или меньшей степени развития дают действительные отличия между людьми. Подробное рассмотрение трех элементов – ум, чувство, воля – приведет психологический анализ к установлению сути характера. Однако Бэн скептически относится к появлению такой науки, считая, что “Подобная наука предполагает, что уже сделаны анализ и классификация характеров”.

Наиболее полно идеи Милля оказались разработаны Александром Шенном. В 1914 г. появляется его оригинальный труд “Основы характера”. Он писал, что “наука о характере должна быть наукой о наших чувствах и эмоциях. Нужно попытаться понять силы, с помощью которых наша

личность развивается; найти законы их организации, понять процессы формирования и упадка, их действия и противодействия" [20, с. 67]. Шенд указывал, что создание науки о характере очень трудоемкая работа, которую не по силам завершить одному человеку: "каждый осторожный мыслитель должен стремиться так представить свою работу, чтобы была возможность использовать его открытия и продолжать с того места, где она прервалась" [20, с. 231]. Он объяснял это тем, что законы ума, на которых должна базироваться наука о характере, могут в первоначальном виде являться временными и приблизительными. Открытие их, затем – точное описание, постепенное накопление все большего их числа будет большим достижением и выполнением существенной части задачи. При точном описании выявляются ошибки, которые послужат руководством для последующих исследований. Когда их наберется достаточно большое число и возникнет возможность сравнения – откроются следующие как индикаторы для более поздних. Это поможет более четко различать и интерпретировать эмпирические законы характера. Такие законы, несмотря на их дефекты, станут необходимой стадией в разработке науки о характере и составят рабочие гипотезы, от которых будет зависеть будущее усовершенствование. "Главная проблема состоит в том, чтобы дать им такую форму, которая могла бы быть принята другими и стала бы основой для прогрессивной разработки" [20, с. 232].

Из сказанного выше становится понятно, почему создание науки о характере в том понимании, которое развивали авторы, и все попытки исследования характера не достигли успеха. Исследователь, который взялся бы за решение этой задачи, неизбежно натолкнулся бы на множество нерешаемых проблем. Законы должны быть декодированы, выведены из общей психологии, которая на тот момент находилась на стадии развития, не позволяющей осуществить задуманный Миллем план. "На первый взгляд кажется странным, что такая полезная наука до сих пор еще не получила признания и должного развития. Но не трудно уяснить себе причины этого явления. Эталогия является только дополнительной наукой к психологии, а последняя наука новая, и основная ее цель, именно выяснение законов духовной организации человека еще не достигнута: создание этологии не мыслимо без предварительной разработки психологии" [4, с. 4].

Несмотря на то, что предложение Милля подверглось жесточайшей критике из-за его метода, сама идея создания специальной дисциплины о человеческом нраве нашла широкий отклик не только в Англии, но и за ее пределами (индивидуальная психология Бине, дифференциальная психология Штерна, индивидуальная психология Лазурского), и подтолкнула европейских психоло-

гов к более активному практическому изучению человека, заставив обратить пристальное внимание на индивидуальные особенности отдельно взятой личности. То, что раньше выводилось за скобки, не служило предметом анализа, стало активно исследоваться. Индивид становится объектом пристального рассмотрения в школе, клинике, труде и т.д., характер человека затрагивает сферу интересов врачей, судей, воспитателей, психиатров, а позднее и психоаналитиков, переводя тем самым характерологию из области умозрительных построений в сферу реальной практики.

Английская характерология имеет продолжительную историю и богата многообразием фактического материала, философских и психологических исследований. Она оказала значительное влияние на развитие других характерологических школ Европы, а также анализ личности и характера в США.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэн А. Об изучении характера. Спб., 1866.
2. Виндельбанд В. История философии. Киев, 1997.
3. Гоббс Т. Сочинения. М., 1989. В 2-х т.
4. Кейра Ф. Характер и нравственное воспитание. Спб., 1897.
5. Милль Дж.Ст. Система логики. М., 1843.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье. СПб., 1997.
7. Рибо Т. Современная английская психология. М., 1881.
8. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск, 1998.
10. Юм Д. Собрание сочинений. М., 1965. Т. 1.
11. Boyce. The Theophrastau character in England to 1642. Cambridge, 1947.
12. Brown. Essays on the Characteristics. London, 1752.
13. Earle J. Microcosmography; or, a piece of the world discovered; in essays and characters. L., 1786, 1811.
14. Fowler M. Shaftesbury and Hutcheson. L., 1882.
15. Gordon G.S. Theophrastus and his imitators. L., 1969.
16. Hall J. Characters of Virtues and Vices. L., 1969. In two books.
17. Mandeville B. The Fable of the Bees. London, 1728. V. I.
18. Overbury T. Characters, or wittie descriptions of sundry persons. L., 1897.
19. Roback A.A. The psychology of character. L., 1927.
20. Shand A.F. Foundations of Character. London, 1914.
21. Shaftesbury A.A. Characteristic of men, manners, opinions, times. L., 1900.

## BECOMING AND DEVELOPMENT OF ENGLISH CHARACTEROLOGICAL SCHOOL

L. A. Kulichenko

*Postgraduate, Department of psychology, MSU*

There are analyzed the phases of development of English characterology: the elaboration of character phenomenology, its analysis in the framework of philosophy, the attempts to found special science about human character. The specificity of this characterological school is shown.

Key words: English characterology, moral sense, phenomenology of human character.

\* \* \*

В ноябре 2002 г. на заседании Диссертационного совета Д 002.016.01 при Институте психологии РАН состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.05 – социальная психология.

1. Галяпина Виктория Николаевна. “Влияние принадлежности супружеским к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями” (научный руководитель – доктор психолог. наук, профессор Н.М. Лебедева).

Актуальность исследования определяется общественной потребностью в сохранении и успешном функционировании разноэтнических супружеских пар в современном российском обществе и недостаточной разработанностью проблемы влияния фактора этнической гетерогенности супружеских пар на успешность супружеских взаимоотношений.

Результаты работы свидетельствуют о том, что уровни общей неудовлетворенности супружеских пар в разноэтнических и одноэтнических парах одинаковы, но структура различна.

Установлено, что неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями в разноэтнических семьях обусловлена полом супруга. На снижение неудовлетворенности жен в разноэтнических семьях наибольшее влияние оказывают социально-психологические характеристики, отражающие преобладание в супружеских отношениях равенства половых ролей. На снижение неудовлетворенности мужей оказывают наибольшее влияние этническая толерантность супруги и интеграция этнических традиций и культур обоих супружеских пар.

При факторизации неудовлетворенности супружескими взаимоотношениями в разноэтнических супружеских парах были выделены четыре значимых фактора: “интенсивность межэтнических контактов супружеских”, “социальная перцепция культурной дистанции”, “отношение к этничности супружеских”, “религия и традиция”. В одноэтнических супружеских парах – четыре значимых фактора: “религия и традиция”, “социально-эко-

номический статус супружеских”, “социальное окружение”, “семейный уклад”.

2. Журавлева Надежда Анатольевна. “Динамика ценностных ориентаций личности в условиях социально-экономических изменений” (научный руководитель – доктор филос. наук, профессор Е.В. Шорохова).

Результаты исследования показывают, какие именно ценности изменяются при радикальных социально-экономических трансформациях в обществе. Выявлено, что с 1994 г. по 2001 г. наблюдалась динамика ведущих ценностных ориентаций личности по следующим направлениям: возрастала значимость прагматических ценностей (эффективности в делах, предприимчивости), ценностей ответственности и самосовершенствования (образованности, здоровья), а менее значимыми становились ориентации на ценности воспитанности, мудрости, самоконтроля, жизнерадостности и независимости.

Показано, что в периоды после острых социально-экономических кризисов в российском обществе в 1992–1993 и в 1998 гг., структура ценностных ориентаций личности характеризуется возрастанием значимости ценностей прагматических (эффективности в делах), свободы, духовного развития (познания, мудрости, творчества), комфорта социально-психологического самочувствия (жизнерадостности) и снижением значимости этических ценностей (честности, воспитанности), профессиональной самореализации и общения с друзьями.

Выявлено, что у представителей разных социальных групп динамика ценностных ориентаций различна и специфична для каждой группы. Наибольшей устойчивостью в условиях социально-экономических изменений обладает структура ценностных ориентаций работников открытых акционерных обществ (бывших крупных госпредприятий) и предпринимателей, а из возрастных групп – структура ценностных ориентаций респондентов 46–55 лет. Наиболее динамична структура жизненных ценностей старших школьников, а также возрастной группы 26–35 лет.